

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОГО ДЕТСТВА «ЭПОХИ КАТАСТРОФ»

О. Ю. Никонова, Е. В. Кравченко

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Настоящая статья посвящена анализу исследований, раскрывающих историю детства в условиях военных катастроф – в период Первой мировой и Гражданской войн и актуальное состояние изученности российского детства в 1914–1922 гг. Впервые эти темы были затронуты зарубежными исследователями. В российской исторической науке проблемами истории детства начали активно интересоваться в 1990–2000-е гг. после перестройки, объявления политики гласности, открытия архивов и активного трансфера исторического знания. Обширный научный ландшафт раскрывает актуальные исследовательские проблемы и дискуссии (например, вокруг вопросов установления детского возраста, хронологизации событий и др.); знакомит с теоретическими и методологическими базами тематических исследований; транслирует уровень междисциплинарности современных подходов. Основные дискуссионные проблемы и взгляды отечественных и зарубежных авторов варьируются вокруг таких тем, как патриотическая мобилизация детей и юношей, социальные трансформации поведенческих практик, государственная политика в отношении к юным гражданам, затрагивают темы беспризорничества, сиротства, детской преступности, голода, эвакуации и семейного патронирования. В статье обозначены пробелы и хорошо изученные фрагменты истории детства. Отдельный дискурс отведен проблеме детского текста, особенностям детского восприятия окружающей действительности и исследовательским рискам при работе с этими документами. В заключение авторы приходят к выводу, что историография российского / советского детства обозначенного периода представляет собой на сегодняшний день достаточно дисперсное исследовательское пространство с неравномерно распределенным интересом ученых. В связи с этим делаются отдельные выводы о перспективах исследовательской работы по теме детства в кризисные периоды истории России начала XX в.

Ключевые слова: Первая мировая и Гражданская войны, история детства, историография, исследовательские дискурсы.

Введение

Историография детства в России достаточно обширна. Сегодня ученые уже располагают первыми обобщающими материалами, анализирующими степень изученности истории детства [1–5].

История детства превратилась в актуальную повестку зарубежной исторической науки в 60–80-е гг. XX в. благодаря публикациям третьего поколения школы «Анналов», в частности, книги Ф. Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» [6]. В российской исторической науке значимые изменения начались лишь после перестройки, объявления политики гласности, открытия архивов и активного трансфера исторического знания. Для рассматриваемого проблемного поля появление значимых зарубежных работ по истории российского и советского детства, а также качественные сдвиги в отечественной историографии приходятся на 1990–2000-е гг. Таким образом, современная историография темы детства насчитывает примерно три десятилетия.

Оценки успешности и этаблированности историографии детства в отечественной исторической науке не являются однозначными. По мнению О. Е. Кошелевой, истории детства в российском историографическом ландшафте «...не существует» [2, с. 26]. М. В. Ромашова, напротив, отмечает, что историография детства в России насчитывает уже десятки трудов, имеет институциональные «опорные пункты» в различных высших школах, может гордиться значимыми конференциями и публикация-

ми. Эти достижения нивелируются отсутствием плодотворной рецепции зарубежного опыта исследований детства, в том числе из-за труднодоступности иностранной научной литературы, нехватки переведенных работ, а также дефицита российских «знаковых» монографий. Можно отметить, что напряженная рефлексия проблем истории детства в отечественной исторической науке продолжается, признаком чего являются работы историографического характера [7–9]. Благодаря таким публикациям в совокупности с имеющимися рецензиями, российские исследователи нередко составляют представление о разработанности темы за рубежом. Упомянем также, что к наиболее изученным хронологическим периодам истории детства историки единодушно относят феномен детства в Советской России / СССР.

Попробуем проанализировать состояние истории детства на примере сюжетов, связанных с «эпохой российских катастроф»¹ – периодом войн и революций в российской истории. Применительно к нашему кейсу особое внимание будет уделено трудам, анализирующим детство в годы Первой мировой и Гражданской войн.

Обзор литературы

Можно утверждать, что вехой, обозначившей нача-

¹ Термин использован А. А. Сальниковой в монографии «Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования» (2007 г.).

ло современного периода историографии темы, стали статьи и монография Алана Болла о беспризорниках в Советской России. Работы автора появились в начале 1990-х гг. и были основаны на обширном корпусе источников из российских архивов и библиотек [10]. Наиболее плодотворным для изучения истории детства в «эпоху катастроф» оказалось первое десятилетие XXI в., когда увидели свет статьи и монографии У. Бронфенбренера, Л. Бернштейн, Э. Байфорда, К. Кройцигер; Л. Киршенбаум; М. Нойманна [11–17]. К сожалению, большая часть англо-американских исследований до сих пор не переведена на русский язык. Среди российских ученых наибольшую известность в области исследования детства первых десятилетий XX в. получили работы А. А. Сальниковой; Т. М. Смирновой; П. П. Щербинина и др. [18–28]. Число современных исследований по истории детей и детства значительно выросло за счет отечественных авторов А. Б. Астахова, Е. М. Балашова, П. А. Морозовой, В. Пархоменко, И. В. Синовой, Е. Ю. Шутковой и др. [29–34].

Важным этапом для историографии детства в Российской империи и СССР стала серия исследований (некоторые из них переведены на русский язык с 2003 г.) британской русистки, филолога и историка К. Келли [1, 35]. М. В. Ромашова отмечает, что монографии К. Келли и А. А. Сальниковой, опубликованные в 2007 г., стали вехой на пути развития историографического ландшафта [3, с. 108]. Необходимо уточнить, что объектом изучения историков являются в первую очередь те группы детей, которые были наиболее яркими представителями трансформации поведенческих практик и идентичности в чрезвычайных условиях войны, – беспризорники, военные добровольцы и «мобилизованные» категории детей. Предметом исследований оказались детская повседневность, восприятие детьми военных событий и детская память о войнах. Охарактеризуем основные дискуссионные и методологические проблемы научной литературы по теме, особенности источниковой базы и применяемые для анализа концепции.

Методы исследования

Одной из ключевых проблем теоретико-методологического характера является нечеткость возрастных и сословно-правовых определений статуса детства в мирное время и «размывание» границ детства в условиях войны [5, с. 22–25]. Некоторые специалисты пытаются установить возрастные рамки детства, используя критерий экономических практик, например, считают маркером перехода во взрослую жизнь начало трудовой деятельности. Однако без учета классовой и социально-групповой принадлежности субъекта этот подход оказывается несостоятельным. Как справедливо отмечает П. П. Щербинин, дети крестьян и рабочих нередко начинали работать с 5 – 8 лет [5, с. 10]. Автор предпринимает попытку исследовать сюжеты детского взросления

с помощью анкет, составленных Е. О. Кабо [5]. Практически все респонденты ассоциировали свое взросление с уходом из семьи и началом самостоятельной трудовой деятельности, что в большинстве случаев происходило к 12-летнему возрасту. И. В. Синова, говоря о границах детства начала XX в., выделяет, с одной стороны, правовую несостоятельность ребенка и зависимость его от взрослых вплоть до 21-летнего возраста, с другой – наличие определенной самостоятельности, в частности, факт трудовой деятельности, характерный, правда, преимущественно для детей трудового и крестьянского населения. При этом автор предлагает учитывать, что дети именно этих социальных групп доминировали в составе российского населения [8, с. 64].

Оригинальный способ установления границ детства предложила А. А. Сальникова. Детский возраст определялся автором с учетом возможности создавать устные и письменные саморепрезентации. Кроме того, в воспоминаниях о детстве или автобиографических текстах, оставленных взрослыми, границы детства устанавливались субъективной волей автора [4, с. 77–78].

Вопрос дефиниции детства в военное время является особенно дискуссионным. Например, А. Болл показывает, как границы детского возраста размывались «взрослыми» поведенческими практиками – проституцией, алкоголизмом, наркоманией, воровством, мошенничеством. Дети военной поры, оказавшись на улице и в тесном контакте с взрослой криминальной средой, быстро перенимали ее обычаи и язык [10, р. 38–42]. Таким образом, вопрос об определении границ детства, его дефиниции остается в историографии этой темы открытым.

Другая методологическая проблема исследований детства связана с принципами помещения изучаемого феномена в более широкий исторический контекст. Анализируя феномен беспризорничества, которое приобрело масштабы катастрофы в Советской России (по данным источников, в 1923 г. количество «уличных» детей колебалось от 1 до 4 млн человек [10, р. 34]), А. Болл видит начало и корни этого явления в военных событиях 1914–1918 гг. Указывая на непрерывную эскалацию кризисного состояния общества на протяжении 1914–1922 гг. [10, р. 1–21], Болл солидаризуется с Д. Смилом, П. Гетреллом, Э. Хобсбаумом, считающими эпоху войн и революций единым хронологическим периодом. Для «эпохи катастроф» были характерны общие социальные, экономические и культурные процессы, обусловленные не столько характером государственного устройства, сколько чрезвычайными условиями [36–38]. Л. Бернштейн, говоря о становлении системы детского патронирования и законодательного регулирования положения бездомных несовершеннолетних в молодом советском государстве, также ассоциирует истоки социальных процессов с началом Первой мировой войны [12, р. 66]. А. А. Сальникова исследует процессы «детской

милитаризации» эпохи войн в период с 1910-х по 1920-е гг. [18, с. 135]. Однако среди историков есть и сторонники противоположной точки зрения. В. Б. Аксёнов подчеркивает важность политических вех (Первая мировая, революция, Гражданская война). В рамках политической периодизации – Первой мировой войны, революции и Гражданской войны – рассматривают историю детей П. П. Щербинин, В. В. Литвинов и некоторые другие авторы.

Результаты и дискуссия

Одной из центральных тем истории детства «эпохи катастроф» является патриотическая мобилизация детей и юношества. В Западной Европе и в России начало Первой мировой войны сопровождалось созданием целой культуры, ориентированной на детей. Главной целью было привлечение юного поколения к «...великому национальному делу» [17, р. 273]. М. Нойманн, анализируя работы зарубежных коллег, приходит к мнению, что, в отличие от западных стран, в царской России это вызывало публичную критику. Патриотический дискурс, по мнению исследователя, не мог быть основной причиной участия юных граждан Российской империи в боевых действиях [17, с. 277–280]. Российский исследователь А. Б. Асташов также считает аргумент о влиянии патриотической пропаганды на мотивацию детей, бежавших на фронт, не совсем убедительным. По результатам его исследования, побудительными мотивами побега дети называли «помощь родителям», «воссоединение семьи», «приобретения нового статуса», например, героического, «интерес к противнику». Историк считает, что мотивация беглецов была различной и зависела от их социальной принадлежности. Дети низших слоёв менее всего были подвержены патриотическим настроениям, их уход был скорее вынужденным – обусловленным либо «...стремлением заработать на пропитание», либо «...проявлением бессознательной реакции» [29, с. 106–111]. Кроме того, в основном бежавшие на фронт дети были несовершеннолетними, что делает сомнительным наличие у них сформированного, осознанного патриотического этоса [29, с. 105]. П. П. Щербинин также пришел к выводу о том, что возраст детей-добровольцев в России составлял в среднем 12 – 15 лет, в то время как в европейских странах – 15 – 17 лет [5, с. 67–68]. В связи с этим была бы интересна попытка сравнительного исследования данного вопроса.

Вероятно, одной из причин распространения добровольчества среди детей можно считать военно-патриотическую составляющую дидактической литературы и милитаризованную культуру, характерную, по оценке П. П. Щербинина, на протяжении XIX–XX вв. и для России, и для Европы. Одежда, книги, игрушки, сюжеты военной истории в рамках школьных программ, проецирование взрослой патриотической культуры на мир детей наполняли его военно-патриотической атрибутикой и сопряженными с ней смыслами – образами

героев и врагов, доблести и трусости, верности и предательства. Русско-японская и Первая мировая войны усилили тенденцию милитаризации культурного пространства [5, с. 68]. А. А. Сальникова, оперирующая термином «военная культура», отмечает, что она имела разное влияние на детей. Степень воздействия зависела от происхождения, пола и возраста ребёнка [18, с. 136–144]. По мнению автора, несмотря на то, что войны не проходили для детей бесследно, для многих они остались «далекой» реальностью [18, с. 138].

Наше исследование подтверждает существование феномена «далёкой» войны. В детских текстах (письмах, статьях, дневниках, воспоминаниях), опубликованных специализированными периодическими изданиями, в большинстве случаев сюжеты, связанные с войной, отсутствовали. Центральными темами были детские увлечения, взаимоотношения со взрослыми и сверстниками, путешествия, учеба. Обследование советских школьников, проведенное к 10-летию Октября и охватившее более 120 тыс. детей из 23 губерний России, выявило, что респонденты не вспоминали ни Первую мировую войну, ни ее героев [39, с. 1195]. По мнению В. Б. Аксенова, в наименьшей степени были подвержены влиянию «военной культуры» дети, проживавшие в сёлах и небольших уездных городках [7, с. 200]. Возможно, в ситуации с событиями Первой мировой войны мы имеем дело с вытеснением коммеморации о ней последовавшими политическими событиями, травматичным опытом Гражданской войны и советской пропагандой, формировавшей иные образцы для воспоминаний и подражания [40, с. 79–105].

Участие детей в Гражданской войне до настоящего времени остаётся малоизученной темой. Среди немногочисленных специальных работ можно упомянуть исследования Е. М. Балашова и В. В. Литвинова, в рамках которых упоминаются отдельные фрагменты участия несовершеннолетних в войне [30, с. 62; 41]. В связи с этим открытым остается вопрос о трансформации детской «военной культуры» в годы Гражданской войны.

Первая мировая война как триггер важнейших социальных трансформаций XX в. привела к решительным изменениям социальных процессов в мире детства. По оценкам исследователей, ее начало было воспринято многими детьми как окончание скучной, монотонной жизни. А. Б. Аксенов считает, что новые ожидания повлияли на психологическое состояние детей и, в частности, нашли свое выражение в снижении статистики детских самоубийств, которая росла на протяжении 1906–1910 гг. Однако в условиях военной реальности на смену восторгу и экзальтации быстро пришли разочарование и апатия [7, с. 208–210].

В годы войны увеличивалась детская смертность как в столице, так и в отдаленных территориях империи: в Петрограде процент смертей в 1913–1916 гг. вырос с 23,1 до 28,4; в Пермской губернии – с 40 до 48,2 [41, с. 16]. Социальным следстви-

ем войн и голодных лет стал рост беспризорности, преступности и проституции несовершеннолетних. Причиной активизации детской преступности, по мнению П. П. Щербинина, стало снижение возрастной границы «взрослости»: с уходом на войну 18-летних их социальную «нишу» заняли подростки в возрасте 14 – 15 лет. Детские социальные девиации приобретали формы, «соответствовавшие» времени. Так, с 1905 г. и вплоть до начала Первой мировой войны, по оценкам Е. М. Балашова, основным видом преступлений, совершавшихся несовершеннолетними, было хулиганство. С 1916 г. в статистике стали доминировать преступления против собственности (около 89 %), увеличилось количество тяжких преступлений, в том числе убийств. Широкое распространение получила практика создания преступных групп малолетних, в основном состоявших из сирот, полусирот и внебрачных детей [30, с. 151–153].

Большинство исследований социальных девиаций и проблем посвящено такому предмету, как детское беспризорничество. Спартанский набор навыков выживания беспризорников включал «попрошайничество», «воровство», «спекуляцию», «поиски ночлега» и умение «...отбиваться от других преступных “шаек”, “заниматься проституцией”» [10, р. 21–38]. Изучая феномен беспризорничества, А. Болл приходит к выводу, что в субкультуре уличных детей происходило формирование таких качеств, как находчивость, приспособляемость, смелость. Жизнь в группах делала несовершеннолетних коллективистами, враждебными «буржуазному материализму» в душе, развивала кооперативное мировоззрение [10, р. 81–82].

Военные и революционные потрясения и их последствия способствовали превращению детей в важную целевую группу большевистского воспитательного «проекта» и государственной социальной политики [14, р. 457]. Исследователи советской политики в отношении детей отмечают серьезный «зазор» между лозунгами, программами и реальностью, обусловленный дефицитом ресурсов молодого государства. По мнению А. Болла, первые усилия государства по борьбе с голодом и беспризорностью напоминали работу различных «агентств», решавших задачу, выходящую далеко за рамки их возможностей [10, р. 126]. Л. Бернштейн отмечает, что, отчаявшись спасти детские жизни, местные власти в ряде регионов, начали «сдавать» идейные рубежи, возвращаясь к практикам, принятым в дореволюционной России [12, р. 66–67], например, к модели патронажного воспитания. Это было характерно не только для Советской России, но и для западных стран, где эксперты по детям пришли к аналогичным выводам: приемная семья нежелательна, но, когда альтернативы нет, она все же предпочтительнее большинства других форм социализации [12, р. 81]. При этом и зарубежные, и отечественные исследователи отмечают, что со-

циальная политика в области защиты детей работала не благодаря постановлениям и законам, а благодаря так называемому «субъективному фактору» [10; 12; 23; 9] – за счет конкретных людей, бравших на себя бремя решения трудных задач. Реализация биографического подхода в изучении истории детства еще ждет своего исследователя.

Уже в имперский период педагогами были апробированы методы медико-педагогического вмешательства с целью коррекции поведения малолетних преступников. Ранним Советским государством термин «морально дефективный», применявшийся в дореволюционной России, стал использоваться в отношении жертв голода и беспризорности [14, р. 458–459]. При этом, однако, отсутствовала «четкая типизация» воспитанников разных возрастов, «трудных» и «нормальных», «умственно отсталых» и здоровых детей [9, с. 213]. Применение репрессивных мер, жестокое обращение с детьми в государственных воспитательных учреждениях и колониях, значительный процент смертности – все это говорит о попытках решить проблему методами, характерными для борьбы с классовыми «врагами» и буржуазными элементами.

Не имела успеха и политика эвакуации / реэвакуации детей из кризисных, голодных территорий в более обеспеченные продовольствием и их возвращение домой. Как показывают работы А. Болла и Т. М. Смирновой, решение этих задач усложнялось большим количеством «нелегальных» мальчиков и девочек, прибывших из зоны голода самостоятельно, бюрократическими проволочками и откровенной халатностью, формализмом и воровством со стороны чиновников [10; 23; 9].

В историографии, касающейся школьной политики, можно констатировать, что идеологическое перевоспитание детей довольно быстро приводило к деформации детского сознания и отчужденности его от реального прошлого. При этом большинство учителей не было подготовлено к миссии пропагандистов нового политического строя: многие из них были политически неграмотны, а также не ориентировались в новых педагогических концепциях, формах обучения. Реальный уровень общепедагогической подготовки учителей был низким [5, с. 188–200]. В целом необходимо отметить, что вопросы, связанные с дидактической деятельностью советского государства в ранний период его существования, требуют более тщательного изучения.

Выводы

Из-за дефицита источников, авторство которых принадлежит детям, историки пытаются реконструировать военное детство на основе обширного корпуса письменных и материальных источников, взятых из «взрослой среды». Тем большую ценность приобретают настоящие «детские нарративы». Решение методологической проблемы их прочтения и интерпретации имеет большое значение для любого исследования мира детей. Среди основных трудностей работы

с детскими нарративами А. А. Сальникова отмечает специфику детского восприятия окружающего мира и детского опыта; склонность детей к созданию так называемых инвентивных (воображаемых) историй; необходимость выделения в детских нарративах «взрослого» вмешательства [19, с. 49–51]. Текстам детей, по мнению историка, свойственны «...высокая эмоциональность, гиперболизация, пестрота риторик, фантазийность, символичность образов и “несовершенство” языка» [4, с. 77–78]. «Эпоха катастроф» оказала сильное влияние на последний. Подражая взрослой культуре, дети войны чаще использовали в своей речи новые символы и метафоры, при этом вкладывая в них свои собственные смыслы. Это обстоятельство вынуждает исследователя относиться к детским текстам с особой осторожностью [4, с. 121–123]. Значимость критической рефлексии исследователя обусловлена также опасностью субъективного конструирования «идеального детского образа», эмоционального воздействия детских текстов на личность исследователя. Интересным опытом является реконструкция детской памяти о войне в работах Е. М. Балашова на основе сопоставления взрослых и детских текстов, описывающих одни и те же сюжеты. Итогом сравнения стал вывод автора о том, что знакомство с реалиями нового советского строя играло незначительную роль в формировании отношения школьника к современности. Складывалось оно из общих стереотипов, внушенных в ходе процесса воспитания и основанных на восприятии институтов советской власти в качестве позитивных символов и знаков [30, с. 185].

Таким образом, историография детства «эпохи катастроф» представляет собой на сегодняшний день достаточно дисперсное исследовательское пространство с весьма неравномерно распределенным интересом ученых. Наряду с неплохо изученными темами беспризорничества, детской преступности и социальных девиаций в детской среде, существуют лишь намеченные в отдельных статьях проблемы. Важным достижением историографии является четкая артикуляция таких методологических проблем, как дефиниция детства, детский нарратив, детская память. Дефицит аутентичных, «детских» источников заставляет исследователей обращаться к опосредованным текстам, например, взрослым воспоминаниям с сюжетами о детстве. Ретроспективное изучение детства требует применения междисциплинарных подходов, среди которых пока лидирует историко-антропологический [23, с. 14]. Дисбаланс проявляется и в усиленном внимании к истории детей в годы Первой мировой войны и крайне узком проблемном охвате детской истории периода Гражданской, что создает трудности при выстраивании более длительной перспективы, ориентированной не на политические вехи, а на серьезные социально-экономические и культурные трансформации, влиявшие на жизнь детей в первую четверть XX в.

Исследование проведено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований [договор № от 20-39-90008/20 от 07.09.2020].

Литература

1. Kelly, C. *Children's World: Growing Up in Russia 1890–1991* / C. Kelly. – Yale University Press, 2007. – 714 p.
2. Кошелева, Е. О. Филипп Арьес и Российские исследования истории детства / Е. О. Кошелева // Вестник РГГУ. Серия: Философия, социология, искусствоведение. – 2010. – № 15. – С. 25–31.
3. Ромашова, М. В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события / М. В. Ромашова // Вестник Пермского университета. – 2013. – Вып. 2. (22). – С. 108–116.
4. Сальникова, А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования / А. А. Сальникова. – Казань, 2007. – 255 с.
5. Щербинин, П. П. Детская повседневность в период первой мировой войны 1914–1918 гг. : монография / П. П. Щербинин. – Тамбов, 2015. – 256 с.
6. Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Ф. Арьес ; пер. с фр. яз. Я. Ю. Старцев. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 415 с.
7. Аксенов, В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918) / В. Б. Аксенов. – М. : Новое литературное обозрение, 2020. – 992 с.
8. Синова, И. В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX века – начале XX в.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения / И. В. Синова. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. – 287 с.
9. Смирнова, Т. М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 / Т. М. Смирнова. – М. : Институт российской истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 401 с.
10. Ball, A. M. *And now my soul is hardened: Abandoned children in Sov. Russia, 1918–1930* / A. M. Ball. – Berkeley [etc.] : Univ. of California press, 1996. – XXI. – 335 p.
11. Бронфенбреннер, У. Два мира детства: Дети в США и СССР / У. Бронфенбреннер ; пер. с англ. ; послесл. Л. Божович и И. Кона. – М. : Прогресс, 1976. – 167 с.
12. Bernstein, L. *Fostering the Next Generation of Socialists. Patronirovanie in the Fledgling Soviet State* / L. Bernstein // *Journal of Family History*. – 2001. – Vol. XXVI, № 1. – P. 66–89.
13. Byford, A. *Science of the Child in Late Imperial and Early Soviet Russia* / A. Byford // *History of Education*. – 2017. – Vol. 46, № 5. – P. 595–617.
14. Byford, A. *Trauma and Pathology: Normative Crises and the Child Population in Late Tsarist Russia and the Early Soviet Union, 1904–1924* / A. Byford // *The Journal of the History of Childhood*

and Youth. – 2016. – Vol. 9, № 3. – P. 450–469.

15. Creuziger, C. G. K. *Childhood in Russia: Representation and Reality* / C. G. K. Creuziger. – Lanham, Maryland : University Press of America, 1996. – 158 p.

16. Kirschenbaum, L. A. *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932* / L. A. Kirschenbaum. – London : Routledge, 2003. – 232 p.

17. Neumann M. *Mobilizing Children: Youth and the Patriotic War Culture in Kiev during World War I* / M. Neumann // *Russia's Great War and Revolution, 1914–1922*. – Slavica : Bloomington, 2016. – P. 279–306.

18. Сальникова, А. А. «Великая», «святая», «далёкая»... Первая мировая война в восприятии детей-современников / А. А. Сальникова // *Россия и современный мир*. – 2009. – № 2. – С. 134–150.

19. Сальникова, А. А. *Воображаемая история: прошлое в детской памяти* / А. А. Сальникова // *Античное наследие в последующие эпохи: рецепция или трансформация?* : материалы Российского международного научно-образовательного симпозиума (Казань, 18–20 октября 2018 г.); сост. и отв. ред. Э. В. Рунг, Е. А. Чиглинец. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. – С. 48–51.

20. Сальникова, А. А. Детский текст, его специфика и значение для реконструкции детского восприятия и детской памяти в «эпоху российских катастроф» / А. А. Сальникова // *Харьковский историографический сборник*. – 2006. – № 8. – С. 132–140.

21. Сальникова, А. А. *Конец сказки: Первая мировая и Гражданская войны в восприятии детей-современников* / А. А. Сальникова // *Опыт мировых войн в истории России*. – Челябинск, 2007. – С. 418–437.

22. Сальникова, А. А. *Конструирование «детского» пространства советского города в 1917–1927 гг. (к постановке проблемы)* / А. А. Сальникова // *Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории*. – 2017. – Вып. 60. – С. 222–237.

23. Смирнова, Т. М. «Лучше вывести и расстрелять»: Советская власть и голодные дети (1917–1923 гг.) / Т. М. Смирнова // *Ежегодник историко-антропологических исследований*. – 2003. – С. 226–245.

24. Смирнова, Т. М. «Любимые дети Советской республики»: история патронирования детей в Советской России. 1918–1930-е гг. / Т. М. Смирнова // *Вестник РУДН*. – 2007. – № 2. – С. 25–37.

25. Смирнова, Т. М. *Дети лихолетья: Повседневная жизнь советских детдомовцев. 1917 – начало 1920-х гг.* / Т. М. Смирнова // *Материнство и детство в России XVIII – XXI вв. Ч. I*. – М., 2006. – С. 255–299.

26. Щербинин, П. П. Социокультурные аспекты формирования военного опыта детей в России и Германии (результаты и последствия Первой мировой войны 1914–1918 гг.) / П. П. Щербинин // *Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений)* : материалы международной научной конференции

(11–12 ноября 2008 г.). – Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 34–38.

27. Щербинин, П. П. *Дети-шпионы и русская контрразведка в период Первой мировой войны 1914–1917 гг.* / П. П. Щербинин, И. Н. Канаев // *Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки*. – 2008. – № 8 (64). – С. 207–212.

28. Щербинин, П. П. «Антоновщина» сквозь призму восприятия детей и подростков: выбор жизненного пути и его последствия в первой четверти XX века / П. П. Щербинин // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – 2017. – № 6 (80). – Ч. 2. – С. 113–115.

29. Асташов, А. Б. *Дети идут на войну: из истории «детского вопроса» в России в годы первой мировой войны* / А. Б. Асташов. – Какорея, 2008. – С. 101–113.

30. Балашов, Е. М. *Школа в российском обществе, 1917–1927 гг.: становление «нового человека»* / Е. М. Балашов. – СПб., 2003. – 236 с.

31. Морозова, П. А. *Влияние Первой мировой войны на мировоззрение и повседневную жизнь российских школьников (1914–1918 гг.)* / П. А. Морозова // *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных* : сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием. – СПб, 2018. – С. 240–249.

32. Пархоменко, В. «Прощайте, дорогие родители, я еду оборонять Россию»: Юные добровольцы на фронтах Первой мировой / В. Пархоменко // *Родина*. – 2013. – № 8. – С. 142–145.

33. Синова, И. В. *Дети в городском российском социуме во второй половине XIX века – начале XX в.* / И. В. Синова // *Уральский исторический вестник*. – 2016. – № 3. – С. 62–69.

34. Шуткова, Е. Ю. *Советские политические репрессии в отношении несовершеннолетних (1917–1953 гг.)* : дис. ... канд. ист. наук / Е. Ю. Шуткова. – Ижевск, 2003. – 301 с.

35. Келли, К. *Об изучении истории детства в России XIX–XX вв.* / К. Келли // *Какорея. Из истории детства в России и других странах* : сборник статей и материалов ; сост. Г. В. Макаревич. – М. ; Тверь, 2008.

36. Smele, J. D. *The «Russian» civil wars, 1916–1926. Ten years that shook the world* / J. D. Smele. – London : Hurst & Company, 2015. – 423 p.

37. Гетрелл, П. *Беженцы и проблемы пола в России во время Первой мировой войны* / П. Гетрелл // *Россия и Первая мировая война : материалы международного научного colloquiuma*. – СПб., 1999. – 317 с.

38. Хобсбаум, Э. Д. *Эпоха крайностей: короткий двадцатый век, 1914–1991* / Э. Хобсбаум ; пер. с англ. Е. М. Нарышкиной, А. В. Никольской. – М. : Независимая Газета, 2004. – 630 с.

39. Кравченко, Е. В. *Что я думаю о войне или Первая мировая глазами детей (по материалам детских периодических изданий в России 1914–*

1917 гг.) / Е. В. Кравченко // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10, Вып. 5. – С. 1194–1202.

40. Никонова, О. Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения

в уральской провинции 1927–1941 гг.) / О. Ю. Никонова. – М. : Новый Хронограф, 2010. – 488 с.

41. Литвинов, В. В. Дети и Гражданская война в России / В. В. Литвинов // Культура народов Причерноморья. – 2012. – № 228. – С. 78–87.

Никонова Ольга Юрьевна – доцент, заведующий кафедрой отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: olga-nikonova@yandex.ru. ORCID 0000-0002-0100-6581

Кравченко Елена Владимировна – аспирант кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: elena_kravchenko1978@mail.ru. ORCID 0000-0002-9756-9193

Поступила в редакцию 30 июня 2021 г.

DOI: 10.14529/ssh210306

MODERN HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN CHILDHOOD IN THE «AGE OF CATASTROPHE»

O. Y. Nikonova, E. V. Kravchenko

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The present article is devoted to the analysis of studies revealing the history of childhood during military disasters (World War I and the Civil War) and the current state of the study of Russian childhood in 1914–1922. These topics have been addressed by foreign researchers for the first time. Russian historical science became interested in the problems of childhood history in the 1990s and 2000s after perestroika, during the glasnost policy, the opening of archives, and the active transferring of historical knowledge. The extensive study reveals current research problems and discussions (e. g., on the issues of childhood establishment, key dates of events, etc.); introduces the theoretical and methodological bases of the research; and defines the interdisciplinarity of contemporary approaches. The main discussion on the problems and views of domestic and foreign authors range on such topics as: patriotic mobilization of children and young men, social transformations of behavioral practices, public policy in relation to young citizens. It deals with homelessness, orphanhood, juvenile delinquency, hunger, evacuation, and family patronage. The article reveals the lack of well-researched fragments. A separate discourse is devoted to the problem of the children's text, the peculiarities of children's perception of the surrounding reality, and the research risks in working with these documents. The authors make a conclusion that the historiography of Russian / Soviet childhood in the given period is now a rather dispersed research area, with a scarce scholarly interest. In this connection, some conclusions are drawn on the prospects for the research on childhood in the crisis periods of Russian history in the early 20th century.

Keywords: World War I and Civil War, history of childhood, historiography, research discourses.

References

1. Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia 1890–1991. Yale University Press, 2007. P. 714.
2. Kosheleva E.O. Filipp Ar'ev i Rossijskie issledovanija istorii detstva [Philip Aryev and Russian Studies of Childhood History] // Vestnik RGGU. Serija: Filosofija, sociologija, iskusstvovedenie. 2010. № 15. S. 25–31.
3. Romashova M. V. Deti i fenomen detstva v otechestven-noy istorii: noveyshie issledovaniya, diskussionnye ploshchadki, sobytiya [Children and the Phenomenon of Childhood in the National History: Recent Studies, Discussion Sites, Events] // Vestnik Permskogo universiteta. 2013. Iss 2. (22). S. 108–116.
4. Sal'nikova A.A. Rossiyskoe detstvo v XX veke: istoriya, teoriya i praktika issledovaniya [Russian childhood in the XX century: history, theory and practice of research]. Kazan', 2007. S. 255.
5. Shcherbinin P.P. Detskaya povsednevnost' v period pervoy mirovoy vojny 1914–1918 gg.: monografiya [Children's Everyday Life in the First World War, 1914–1918]. Tambov, 2015. S. 256.
6. Ar'es F. Rebenok i semejnaya zhizn' pri starom porjadke [The Child and Family Life under the Old regime]; per. s fr. yaz. Y.Y. Startsev. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999. S. 415.
7. Aksenov V.B. Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroeniya rossiyan v gody vojny i revolyutsii

(1914–1918) [Loops, images, emotions. Mass sentiments of Russians during the years of war and revolution (1914–1918)]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. S. 992.

9. Sinova I.V. *Deti v gorodskom rossiyskom sotsiume vo vtoroy polovine XIX veka – nachale XX v.: problemy sotsializatsii, deviantnosti i zhestokogo obrashcheniya* [Children in Urban Russian Society in the Second Half of the 19th Century and the Early 20th Century: Problems of Socialization, Deviance, and Abuse]. SPb: Dmitriy Bulanin, 2014. 287 s.

10. Smirnova T.M. *Deti strany Sovetov: Ot gosudarstvennoy politiki k realiyam povsednevnoy zhizni. 1917–1940* [Children of the Soviet Country: From State Policy to the Realities of Everyday Life. 1917–1940]. M.: Institut rossiyskoy istorii RAN; Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. – 401 s.

11. Ball A.M. *And Now My Soul is Hardened: Abandoned Children in Sov. Russia, 1918–1930*. Berkeley [etc.]: Univ. of California press, 1996. XXI. 335 p.

12. Bronfenbrenner U. *Dva mira detstva: Deti v SShA i SSSR* [Two Worlds of Childhood: Children in the USA and the USSR]; per. s angl.; poslesl. L. Bozhovich i I. Kona. M.: Progress, 1976. 167 s.

13. Bernstein L. *Fostering the Next Generation of Socialists. Patronirovanie in the Fledgling Soviet State* // *Journal of Family History*. 2001. Vol. XXVI. № 1. P. 66–89;

14. Byford A. *Science of the Child in Late Imperial and Early Soviet Russia* // *History of Education*. 2017. Vol. 46, № 5. P. 595–617.

15. Byford A. *Trauma and Pathology: Normative Crises and the Child Population in Late Tsarist Russia and the Early Soviet Union, 1904–1924* // *The Journal of the History of Childhood and Youth*. 2016. Vol. 9, № 3. P. 450–469.

16. Creuziger C.G.K. *Childhood in Russia: Representation and Reality*. Lanham, Maryland: University Press of America, 1996. 158 p.

17. Kirschenbaum L.A. *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. London: Routledge, 2003. 232 p.

18. Neumann M. *Mobilizing Children: Youth and the Patriotic War Culture in Kiev during World War I* // *Russia's Great War and Revolution, 1914–1922*. Slavica: Bloomington, 2016. P. 279–306.

19. Sal'nikova A.A. «Velikaya», «svyataya», «dale-kaya»... *Pervaya mirovaya voyna v vospriyatii detey-sovremennikov* [«Great», «Holy», «Distant»... World War I in the Perception of Children-Contemporaries] // *Rossiia i sovremennyy mir*. 2009. № 2. S. 134–150.

20. Sal'nikova A.A. *Voobrazhaemaya istoriya: proshloe v detskoj pamyati* [Imaginary History: the Past in Children's Memory] // *Antichnoe nasledie v posleduyushchie epokhi: retseptsiya ili transformatsiya? Rossiyskiy mezhdunarodnyy nauchno-obrazovatel'nyy simpozium (Kazan', 18–20 oktyabrya 2018 g.)*; sost. i otv. Red. E.V. Rung, E.A. Chiglintsev. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2018. S. 48–51.

21. Sal'nikova A.A. *Detskiy tekst, ego spetsifika i znachenie dlya rekonstruktsii detskogo vospriyatiya i detskoj pamyati v «epokhu rossiyskikh katastrof»* [Children's Text, its Specificity and Significance for the Reconstruction of Children's Perception and Children's Memory in the «Era of Russian Disasters»] // *Khar'kovskiy istoriograficheskiy sbornik*. 2006. № 8. S. 132–140.

22. Sal'nikova A.A. *Konets skazki: Pervaya mirovaya i Grazhdanskaya voyny v vospriyatii detey-sovremennikov* [The End of the Tale: World War I and the Civil War in the Perception of Children-Contemporaries] // *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii*. Chelyabinsk, 2007. S. 418–437.

23. Sal'nikova A.A. *Konstruirovaniye «detskogo» prostranstva sovetskogo goroda v 1917–1927 gg. (k postanovke problemy)* [The Construction of «Children's» Space of the Soviet City in 1917–1927 (to the Statement of the Problem)] // *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noy istorii*. 2017. Iss. 60. S. 222–237.

24. Smirnova T.M. «Luchshe vyvesti i rasstrelyat'»: *Sovetskaya vlast' i golodnye deti (1917–1923 gg.)* [«Better to Take Out and Shoot»: Soviet Power and Hungry Children (1917–1923)] // *Ezhegodnik istoriko-antropologicheskikh issledovaniy*. 2003. S. 226–245.

25. Smirnova T.M. «Lyubimye deti Sovetskoy respubliki»: *istoriya patronirovaniya detey v Sovetskoy Rossii. 1918–1930-e gg.* [«Beloved Children of the Soviet Republic»: the history of patronage of children in Soviet Russia. 1918–1930s] // *Vestnik RUDN*. 2007. № 2. S. 25–37.

26. Smirnova T.M. *Deti likholet'ya: Povsednevnyaya zhizn' sovetskikh detdomovtsev. 1917 – nachalo 1920-kh gg.* [Children of the Wretched Years: The Everyday Life of Soviet Orphanages. 1917 – Early 1920s] // *Materinstvo i detstvo v Rossii XVIII – XXI vv. Ch. I. M.*, 2006. S. 255–299.

27. Shcherbinin P.P. *Sotsiokul'turnye aspekty formirovaniya voennogo opyta detey v Rossii i Germanii (rezul'taty i posledstviya Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg.)* [Sociocultural Aspects of Children's Military Experience in Russia and Germany (Results and Consequences of World War I, 1914–1918)] // *Chicherinskie chteniya. Rossiya i mir posle Pervoy mirovoy voyny (k 90-letiyu okonchaniya voyny i podpisaniya poslevoennykh soglasheniy): materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (11–12 noyabrya 2008 g.)*. Tambov: Izd-vo Tambov. gos. un-ta im. G.R. Derzhavina, 2009. S. 34–38.

28. Shcherbinin P.P., Kanaev I.N. *Deti-shpiony i russkaya kontrazvedka v period Pervoy mirovoy voyny 1914–1917 gg.* [Child Spies and Russian Counterintelligence During the First World War, 1914–1917] // *Vest-*

nik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2008. № 8 (64). S. 207–212.

28. Shcherbinin P.P. «Antonovshchina» skvoz' prizmu vos-priyatiya detey i podrostkov: vybor zhiznennogo puti i ego posledstviya v pervoy chetverti XX veka [«Antonovshchina»: the Perception of Children and Adolescents: the Choice of Life and its Consequences in the First Quarter of the Twentieth Century] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 6 (80). Ch. 2. S. 113–115.

29. Astashov A.B. Deti idut na vojnu: iz istorii «detskogo voprosa» v Rossii v gody pervoy mirovoy vojny [Children Are Going to War: A History of the «Children's Question» in Russia During the First World War]. Kakoreja, 2008. S. 101–113.

30. Balashov E.M. Shkola v rossijskom obshchestve, 1917–1927 gg.: stanovlenie «novogo cheloveka» [School in Russian Society, 1917–1927: the Formation of the «New Man»]. SPb., 2003. 236 s.

31. Morozova P.A. Vliyanie Pervoy mirovoy vojny na mirovozzrenie i povsednevnyuyu zhizn' rossijskikh shkol'nikov (1914–1918 gg.) [Influence of the World War I on the Everyday Life of Russian Schoolchildren (1914–1918)] // *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh: sbornik materialov Vserossiyskoy molodezhnoy nauchnoy shkoly-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. 2018. S. 240–249.

32. Parkhomenko V. «Proshchayte, dorie roditeli, ya edu oboronyat' Rossiyu»: Yunye dobrovol'tsy na frontakh Pervoy mirovoy [«Goodbye, Dear Parents, I'm Going to Defend Russia»: Young Volunteers on the Fronts of the First World War] // *Rodina*. 2013. № 8. S. 142–145.

33. Sinova I.V. Deti v gorodskom rossijskom sotsiume vo vtoroy polovine XIX veka – nachale XX v. [Children in Urban Russian Society in the Second Half of the 19th Century and the Early 20th Century] // *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2016. № 3. S. 62–69.

34. Shutkova E. Y. Sovetskie politicheskie repressii v otnoshenii nesovershennoletnikh (1917–1953 gg.): dis. ... kand. ist. nauk [Soviet Political Repression of Minors (1917–1953): Dissertation of Cand. Hist. Sc.]. Izhevsk, 2003. 301 s.

35. Kelli K. Ob izuchenii istorii detstva v Rossii XIX–XX vv. [On the study of the history of childhood in Russia XIX–XX centuries] // *Kakoreja. Iz istorii detstva v Rossii i drugih stranah: sbornik statej i materialov*; sost. G.V. Makarevich. M.; Tver', 2008.

36. Smele J.D. The «Russian» Civil Wars, 1916–1926. Ten Years that Shook the World. London: Hurst & Company. 2015. 423 p.

37. Getrell P. Bezheny i problemy pola v Rossii vo vremya Pervoy mirovoy vojny [Refugees and Gender Issues in Russia During the First World War] // *Rossija i Pervaja mirovaja vojna: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma*. SPb., 1999. 317 s.

38. Khobsbaum E.D. Epokha krainostey: korotkiy dvadtsatyy vek, 1914–1991 [The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991]; per. s angl. E.M. Naryshkinoy, A.V. Nikol'skoy]. M.: Nezavisimaya Gazeta, 2004. 630 s.

39. Kravchenko E.V. Chto ja dumaju o vojne ili Pervaja mirovaja glazami detej (po materialam detskih periodicheskikh izdaniy v Rossii 1914–1917 gg.) [What I Think about the War or the First World War through the Eyes of Children (Based on Materials from Children's Periodicals in Russia 1914–1917)] // *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij*. 2020. T. 10. Vyp. 5. S. 1194–1202.

40. Nikonova O. Y. Vospitanie patriotov: Osoaviakhim i voennaya podgotovka naseleniya v ural'skoy provintsii 1927–1941 gg.). [Upbringing of Patriots: Osoaviakhim and Military Training of the Population in the Ural Province 1927–1941)]. M.: Novyy Khronograf, 2010. 488 s.

41. Litvinov V.V. Deti i Grazhdanskaya vojna v Rossii [Children and the Russian Civil War] // *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*. 2012. № 228. S. 78–87.

Olga Y. Nikonova – professor, head of Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: olga-nikonova@yandex.ru

Elena V. Kravchenko – post-graduate student of Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: elena_kravchenko1978@mail.ru

Received June 30, 2021

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Никонова, О. Ю. Современная историография российского детства «эпохи катастроф» / О. Ю. Никонова, Е. В. Кравченко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 47–55. DOI: 10.14529/ssh210306

FOR CITATION

Nikonova O. Y., Kravchenko E. V. Modern Historiography of Russian Childhood in the «Age of Catastrophe». *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 47–55. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh210306